

В этом году исполняется восемь лет, как мы вместе, и мне кажется, что мы, пожалуй, расстанемся.

Такое чувство появилось не сегодня, да и, пожалуй, не в этом году. Наверное, всё началось очень давно, но я и сам толком не могу сказать, когда именно.

Есть одна вещь, которая не дает мне покоя: мне кажется, я больше его не люблю.

Эта мысль уже много раз мелькала у меня в голове, но стоило ей только показаться, как я тут же подавлял её всеми силами. Потому что я даже боялся думать об этом.

Однако часто бывает так: чем сильнее ты пытаешься что-то отрицать, тем отчетливее понимаешь в глубине души, прав ты или нет. Когда я влюбился в него много лет назад, всё было точно так же.

Я вернулся домой после смены около шести, а милый еще спал. Поставив пакет с продуктами на стол, я вдруг почувствовал страшную усталость.

В тот самый момент, когда эта мысль возникла в голове, я тут же пошел на кухню, вымыл овощи и принялся за готовку.

Скоро он встанет, а поест — и сразу на работу.

У нас не совпадает рабочее время: когда я работаю, он отдыхает, а когда я возвращаюсь домой, он как раз собирается уходить. Я не уверен, в этом ли причина проблем в наших отношениях, но вряд ли. Ведь когда я добивался его много лет назад, я искренне считал, что ему даже не обязательно любить меня — лишь бы я мог каждый день видеть его и заботиться о нем, и я уже был бы счастлив.

Теперь я могу каждый день видеть его и заботиться о нем, и я действительно делаю это. Но прежней радости я почему-то уже не чувствую.

Я ни в кого не влюбился, и никакого третьего лица между нами нет. Мне не хочется в этом признаваться, но я знаю: возможно, я действительно больше его не люблю. Я стараюсь сгладить этот вопрос, но он, должно быть, тоже кое-что замечает.

Иногда он вдруг поднимает голову от тарелки и спрашивает: — А ты помнишь, что говорил мне, когда только начал за мной ухаживать?

Каждый раз я торопливо подкладываю ему в тарелку кусочек получше и отвечаю: — Конечно, конечно помню.

Я помню, поэтому я никогда с ним не расставался.

Приготовив еду, я приоткрыл дверь в спальню, чтобы разбудить милого.

Когда меня нет рядом, он во сне всегда сворачивается клубочком, прижимает к груди одеяло, а сам оказывается наполовину раскрыт. Зимой еще ладно, включено отопление, не замерзнешь, но летом он любит кондиционер, из-за чего вечно простужается, и у него начинается расстройство желудка. Сколько ни говори — не слушает, запретишь включать — злится, так что остается только держать дома наготове капли хосян чжэнци или тайком ставить таймер на кондиционере перед уходом из дома. Словом, хлопот с ним не оберешься.

Когда я приоткрыл дверь, он еще не проснулся. Половина его лица была зарыта в одеяло — выглядел он ужасно милым и чистеньким. Этот паразит только во сне похож на нормального человека.

Я опустился на одно колено у кровати, обнял его вместе с одеялом, поцеловал в лоб и тихонько прошептал: — Малыш, вставай кушать.

У него тяжелый подъем по утрам — это проверенный на практике метод пробуждения, который он хоть как-то принимает.

Он с закрытыми глазами недовольно пробормотал: — Опять есть... — и с крайним раздражением пнул одеяло, угодив прямо мне в ребра.

На самом деле боли почти не было, но от этого пинка мне показалось, что я больше не выдержу.

Раньше такое утреннее ворчание казалось мне безумно милым. Я был готов обнимать его и уговаривать пойти пообедать снова и снова, и если бы он своими ударами в стиле Бесследного Буддийского Кулака переломал мне все ребра, я бы всё равно считал, что бьет — значит любит.

Вот только уговариваю я его уже восемь лет, и я даже не знаю, можно ли назвать это пресыщением.

— Ну тогда поспи еще немного.

Сегодня я не стал уговаривать его дальше, поправил сбитое одеяло, поднялся и ушел.

Стоило мне только сесть за обеденный стол, как он тут же притопал следом, с торчащими в разные стороны волосами.

Он окончательно проснулся, глаза покраснели от сна — наверное, недоспал и всё время их тер.

Очень послушно он произнес: — Я только что совсем со сна сообразить не мог.

Совсем другой человек, нежели минуту назад.

Я видел, что он немного нервничает и тревожится. Раньше он никогда не волновался из-за того, что сорвал на мне утреннее сонное злость.

Я подвинул свою тарелку к нему и сказал: — Ешь сначала ты.

Он помахал рукой: — Ешь сам, я пойду наложу себе.

На самом деле в последнее время он стал намного разумнее, поэтому я еще сильнее утвердился в мысли, что он наверняка тоже что-то чувствует.

— Ой, какой вкусный суп, — отхлебнув супа, улыбнулся он мне, а его осторожное выражение лица сделало мне еще больнее.

Милый раньше никогда так не делал: какое бы блюдо ни получилось вкусным, он съедал чуть больше обычного, но никогда не хвалил.

Это я собственными руками избаловал его, превратив в капризного ребенка, не знающего забот, а теперь заставляю ходить по струнке и тревожно заглядывать мне в лицо.

Ну и мразь же я, блин.

Тогда я увивался за ним изо всех сил, со слезами и соплями таскался по пятам и умолял дать мне шанс, говорил, что хочу стать человеком, который любит его сильнее всех на свете, и всю жизнь заботиться о нем, чтобы он был самым счастливым человеком на Земле.

Кажется, я нарушил обещание.

Тогда я и не думал, что навсегда — это так долго.

Искренние обещания тех дней превратились в оковы. Мы оба всё понимаем, только я ничего не сказал, и он промолчал.

<http://bllate.org/book/26321/3151664>